

— Стану я тебя обманывать из-за нескольких грошовых коробок? Всё, иди уже! Продашь — озолотимся!

Е Сяои щедро сыпал обещаниями и расписывал золотые горы, лишь бы придать Мо Юэ уверенности и поскорее выставить его за порог на поиски покупателей.

Мо Юэ, у которого в карманах гулял ветер, и впрямь воодушевился. Быстро увязав коробки в плотный узел, он буркнул:

— Если всё пойдёт ладно, на обратном пути куплю мяса. Настоящего, за звонкую монету. В этот раз обойдёмся без долгов.

Е Сяои мысленно поморщился. Деньги они ещё в глаза не видели, а этот транжира уже прикидывал, как пустить их по ветру.

— Много не бери! — крикнул он вслед уходящему компаньону. — До завтра протухнет, а солонину я в рот не возьму!

— Понял я, — отозвался тот, даже не оборачиваясь, и скрылся за дверью.

И всё же на душе у Е Сяои было беспокойно. Этот изнеженный барчук понятия не имел о цене куска хлеба и житейских заботах. В прошлый раз, размахнувшись на широкую ногу, Мо Юэ едва не взял в долг добрых десять цзиней мяса. Даже Е Сяои, никогда не знавший удерж в трапах, понимал: сожрать такую гору за день никому не под силу.

С другой стороны, запира́ть парня в четырёх стенах нельзя. Пусть привыкает к миру, набивает шишки — только так и закаляется характер.

Проводив компаньона, Е Сяои наконец взялся за ум и решил вплотную заняться подготовкой к экзамену на звание чжуанюаня. Для начала следовало запастись книгами и нацелиться на самое первое испытание — экзамен на звание туншэна.

Е Сяои уже успел расспросить Мо Юэ, как человека грамотного, о тонкостях этого отбора. Оказалось, в обязательную программу входило знание классических канонов — «Ши цзина» и «Шан шу». Судя по всему, задания на экзамене были до тошноты простыми и одновременно невыносимо сложными: от учеников требовалось лишь зубрить наизусть и бездумно вставлять пропущенные фразы. Стоило экзаменаторам привести первую строчку из какого-нибудь трактата, как соискатель обязан был без единой запинки записать весь остальной отрывок по памяти. Или же в тексте закрывали несколько строк, заставляя вписывать пропущенное слово в слово.

Словом, проверяли не ум, а цепкость памяти. Но для Е Сяои не было пытки горше, чем бездумное заучивание. И что теперь делать?

Зубрить совершенно не хотелось. Первым делом Е Сяои, едва притащив домой охапку новеньких свитков, принялся подсчитывать количество знаков. С математикой у него всегда было ладно. Посчитал строчки на одной странице, прикинул общее количество листов, перемножил — вот тебе и объём. Метод верный, простой. Но когда он закончил вычисления, у него едва земля из-под ног не ушла. «Книга песен» насчитывала сорок тысяч иероглифов! А казавшаяся совсем тонкой «Книга преданий» — ещё добрых двадцать тысяч!

Шестьдесят тысяч знаков! Да как такое вообще можно уложить в голове?

Охваченный беспросветным унынием, он забросил учебники в самый дальний угол. Никакого желания приступить к этой каторге не осталось.

Е Сяои уныло выводил на бумаге простейшую черту — иероглиф «один», — всей душой уповая на то, что Мо Юэ вернётся как можно скорее и избавит его от этого кошмара.

А тем временем несчастный Мо Юэ три дня трясся на скрипучей телеге, запряжённой неповоротливым быком, пока наконец не добрался до города Янчжоу. Отыскав по памяти лавку яшмовых изделий «Шуньчжай», он шагнул через порог и сразу спросил хозяина, не заинтересует ли того изящный товар для женских причёсок.

Приказчик окинул презрительным взглядом пришедшего: подросток лет тринадцати-четырнадцати, одет скромно, если не сказать бедно.

— Ступай отсюда, малец, не загораживай свет! — замахал руками лавочник. — У нас здесь благородное заведение, торгуем золотом да нефритом. Свои дешёвые поделки неси на уличный базар, нам такое барахло и даром не нужно.

Не говоря ни слова, Мо Юэ бережно опустил на прилавок свой узел и принялся один за другим открывать изящные деревянные коробочки, от которых тут же повеяло тонким благовонием.

— Не торопитесь с выводами, почтенный, — не спеша проговорил он. — Взгляните сами. Этот товар не имеет ничего общего с уличным хламом. Во всём городе Янчжоу лишь ваша лавка достойна выставить его на продажу. Вы торгуете драгоценными камнями, это верно. Но кто ваши покупательницы? Жёны и дочери знатных господ. Золото и серебро слепят глаза, но со временем приедаются даже самым искущённым дамам. Появись у вас на прилавках нечто столь живое и яркое — и они станут заглядывать к вам гораздо чаще.

Договорив, Мо Юэ эффектным жестом приоткрыл крышку самого большого ларца, являя миру венец коллекции — свадебный гарнитур «Фениксово облачение и алая корона».

— И это не всё. Перед вами — подлинное украшение для невесты. Покупая такой убор, разве

откажется почтенная матушка присмотреть к нему в пару изысканных яшмовых браслетов?

Лавочник призадумался. В словах юноши была доля истины — яркие вещицы действительно могли оживить витрину. К тому же работа оказалась на удивление тонкой, шпильки выглядели благородно и вполне соответствовали высокому имени «Шуньчжай». Он ещё раз внимательно осмотрел разложенный товар. Шёлковые лепестки и резное дерево казались живыми цветами, только-только сорванными с куста. Настоящая усада для глаз! «Вещицы явно недорогие, — решил про себя купец. — Много не потеряю, даже если прогорю».

Прикинув в уме возможную выгоду, хозяин лавки покрутил в руках одну из коробочек и небрежно бросил:

— Ладно, малец. Даю пятьсот вэней за всё про всё. Забираю прямо сейчас.

«Раскатал губу!» — усмехнулся про себя Мо Юэ.

Однако вслух он вежливо ответил, расплывшись в мягкой улыбке:

— Благодарю за щедрость, но вынужден отказаться. Мои изделия продаются исключительно вместе с этими резными ларцами. Цена за штуку — ровно два ляна серебром, без уступок. Что же касается свадебного убора из десяти предметов, то на него я готов сделать скидку в два ляна. Итого — восемнадцать лянов за весь комплект.

Лавочник от возмущения даже челюстью задержался.

— Молодой человек, вы, верно, ошиблись дверью, если решили, что перед вами дурак! Наша лавка славится честностью, мы не обманываем ни стариков, ни детей. Но брать два ляна за кусок крашеного дерева и шёлковую тряпицу? Да где это видано!

Мо Юэ лишь невозмутимо улыбнулся:

— Раз я назвал такую цену, значит, они того стоят.

Эту безумную стоимость установил Е Сяои. Сам Мо Юэ понятия не имел, почему эти безделушки должны продаваться втридорога, а потому ему оставалось лишь напустить на себя как можно более важный вид и держать марку до конца.

Лавочник только со вздохом покачал головой:

— Нет, парень, такие дела не делаются. Товар твой я не возьму. Но если тебе край как нужны деньги, могу пристроить тебя в «Шуньчжай» зазывалой или помощником. Осанка у тебя благородная, манеры приятные, покупателям понравиться.

— Премного благодарен, но вынужден отказаться, — сухо бросил гордый Мо Юэ.

Развернувшись на каблуках, он направился к выходу. Однако у самого порога его одолели сомнения. Обида жгла грудь. Если уж в такой роскошной лавке ему указали на дверь, то в других местах и разговаривать не станут. Неужто возвращаться ни с чем?

При одной мысли о том, что обещанный ужин из свежего мяса накрылся медным тазом, Мо Юэ решительно развернулся и зашагал обратно к прилавку. Сдаваться так просто он не собирался.

— Выслушайте меня ещё раз, почтенный, — заговорил он, стараясь говорить веско и убедительно. — Вы боитесь, что цена покажется гостям чрезмерной, но у благородных девиц свой взгляд на вещи. Как говорится, за милую безделушку никаких денег не жалко. Вы, как торговец, привыкли взвешивать каждую крупицу золота и мерить каждый вершок нефрита. Но молодые барышни ищут не выгоду, а красоту, которая растопит их сердца. Хотите, я докажу это прямо сейчас?

Не дожидаясь ответа, Мо Юэ подхватил коробку и направился к покупательницам, прогуливавшимся по залу лавки. Выбрав самую юную барышню, которая нерешительно разглядывала витрину, он плавно приблизился к ней и с изысканным поклоном заговорил бархатным голосом:

— Почтенная барышня, позвольте отнять у вас мгновение. Сегодня лавка «Шуньчжай» представляет редкие новинки. Не окажете ли вы мне честь взглянуть на них?

С этими словами он медленно, смакуя каждое движение, принялся приоткрывать резные крышки ларцов, являя взору замершей девушки изящные шпильки.

Девушка на миг растерялась, оказавшись лицом к лицу с непривычно высоким и поразительно статным юношей. Слегка смутившись, она поспешно перевела взгляд на то, что он ей предлагал. Её внимание тут же привлекли чистые, сочные краски шёлка. Трепетными пальцами она выудила из коробки изящную подвеску-буяо в виде цветка персика и, восторженно охнув, обернулась к пожилой даме:

— Матушка, посмотри! Я хочу именно её!

Пожилая госпожа даже бровью не повела. Не удосужившись спросить о цене, она властно бросила приказчику:

— Заверните.

Глядя на это, Мо Юэ невольно усмехнулся про себя.

«Всего пару месяцев назад я и сам сорил деньгами точно так же, никогда не спрашивая,

сколько стоит понравившаяся вещь»

Но сейчас он выступал в роли продавца, а потому был обязан назвать цену — всё же шпильки стоили баснословно дорого для подобных поделок. Ловко воспользовавшись вывеской лавки, он почтительно склонил голову:

— Почтенная госпожа выказала отменный вкус. Эти шпильки — эксклюзивная новинка «Шуньчжай». Только сегодня, в честь первого показа, мы уступаем их всего за два ляна серебра за штуку. Боюсь, при следующем вашем визите цена будет существенно выше.

— Вот как? — дама проявила живой интерес. Взяв украшение в руки, она окинула его оценивающим взглядом и благосклонно кивнула: — Что ж, весьма недурно. Отбери ещё несколько лучших шпилек. Пусть у каждой из девиц в нашем доме будет по одной.

В мгновение ока Мо Юэ распродал всё содержимое трёх ларцов, выручив за них целых шесть лянов чистым серебром. Некупленным остался лишь самый дорогой свадебный набор.

Едва богатая покупательница покинула лавку, Мо Юэ обернулся к ошеломлённому приказчику.

— Ну что, почтенный? Как видите, спрос налицо. У меня припасено ещё немало подобных вещиц. Будете брать?

Торговец, будучи человеком хватким и неглупым, мгновенно смекнул, какую золотую жилу держит в руках этот малец. Пусть цена шпилек казалась запредельной по сравнению с базарным копеечным товаром, но тонкость работы оправдывала каждый вэнь. Искусная резьба, безупречный лак, каллиграфические строки стихов — всё это превращало безделушку в маленькое произведение искусства, выгодно отличая её от грубых поделок ремесленников.

Приказчик решительно хлопнул ладонью по прилавку:

— По рукам, забираю! Но два ляна — это грабёж среди бела дня. Моя крайняя цена — один лян и пять десятых за штуку. Больше не дам.

Мо Юэ, ничуть не расстроившись, милостиво кивнул:

— Что ж, пусть будет по-вашему. По рукам.

Он намеренно зависил первоначальную цену, ожидая жестокого торга. На его счастье, лавочник попался на редкость совестливый и не стал сбивать цену до бесценка, так что Мо Юэ охотно согласился на выгодную сделку.

Обратный путь Мо Юэ проделал с куда большим комфортом — на нанятом экипаже. Там, где неповоротливый бык уныло тащился трое суток, резвая лошадка, весело цокая копытами, управилась всего за один день.

Первым делом по возвращении он заглянул к столяру и полностью расплатился за коробки, затем вернул долг в мясной лавке, а напоследок побаловал себя и Е Сяои, купив в лучшем трактире двух сочных жареных цыплят.

Когда Мо Юэ, сияя от гордости, выгрузил на стол увесистый кошель с без малого двадцатью ляннами серебра и выставил ароматное угощение, Е Сяои недовольно нахмурился:

— И это всё? Всего двадцать лянов? Неужто ты отдал их по цене дров, за какие-то жалкие гроши?

— Вовсе нет, — поспешил оправдаться Мо Юэ. — Уступил по полтора ляна за штуку. Но хозяин лавки выставил условие: всё, что не купят, мы заберём назад. При мне у него с лёту ушло восемь штук, за них он сразу выложил двенадцать лянов. За оставшийся товар он дал лишь треть стоимости в качестве залога, а полный расчёт обещал произвести при следующей встрече.

Е Сяои одобрительно хмыкнул:

— Платят по факту продажи, а остатки возвращают... Да они ни единым медным грошом не рискуют! Прекрасная уловка, на таких условиях любой лавочник с радостью согласится взять наш товар. Значит, не станем ограничиваться одним «Шуньчжаем». Пора расширять дело! Будем поставлять шпильки всем желающим. Пока ты пропадал в Янчжоу, я успел забрать у деревенских девиц новую партию. Так что собирайся в обратный путь.

Мо Юэ, только-только пригубивший душистый чай, едва не поперхнулся. Он невольно открыл рот.

«Этот паршивец совсем страх потерял? — вскипел он про себя. — Вздумал гонять меня, точно последнего слугу на посылках?!»

Е Сяои, не отрывая взгляда от раскрытого свитка, невозмутимо сделал глоток из пиалы и бросил:

— Ты ведь сам ныл, что соскучился по мясу?

Тут уж в изнеженном барчуке, привыкшем в прежней жизни к роскоши, когда слуги угадывали малейший его каприз, выиграла спесь. С глухим стуком опустив пиалу на столик, он завалился

прямо на постель Е Сяои и укрылся с головой:

— С ног валюсь. Мне нужен покой.

Е Сяои от такой наглости даже веком задержался. Швырнув книгу на стол, он подскочил к постели и изо всех сил вцепился в плечи наглеца, силясь стащить его на пол:

— А ну вставай! Живо подними свою тушу! Ты когда в последний раз мылся, грязнуля? От тебя несёт потом и дорожной пылью за версту, а ты на мою чистую постель улёгся!

Мо Юэ даже глаз не открыл.

— Раз знаешь, так помалкивай, — пробормотал он сонным, севшим голосом. — Я не то что не мылся — я глаз за эти трое суток ни разу не сомкнул. По дороге туда дрожал над твоими драгоценными коробками, чтобы не стащили, а на обратном пути — над серебром, чтобы не зарезали. Ночью спать не смел, боялся, что лихие люди сонной травой опоят и до нитки оберут.

Е Сяои растерянно замолчал. А ведь парень прав. Дороги нынче небезопасны, разбойники только и ждут одиноких путников с набитыми кошельками.

«Неужто придётся сколачивать собственную ватагу бойцов для охраны грузов?» — озадаченно подумал он.

Не успел он додумать эту мысль, как из-под одеяла донеслось мерное, глубокое сопение. Е Сяои досадливо крякнул и слегка пнул спящего без задних ног приятеля:

— Эй, верзила! А ну просыпайся! Марш к себе в берлогу, нечего тут сырость разводить!

«Вот ведь негодяй! Свою конуру пожалел, а моё ложе решил загадить?!»

<http://bllate.org/book/18182/1752228>